

Где наш дом родной?

Павел Басинский

Сегодня Василию Ивановичу Белову, автору «Привычного дела», «Плотницких рассказов», «Бухтин вологодских...», «Лада», романов «Кануны» и «Год великого перелома» и других, ставших современной классикой произведений, исполняется 80 лет. Он по-прежнему живет на Вологодчине, серьезно болеет, и вот уже много лет о нем ничего в Москве не слышно. Словно и нет такого писателя. Но такой писатель не просто есть. Он давно и прочно стоит в первом ряду великой русской прозы. Это — наш живой классик.

Когда мы говорим «деревенская проза», то не всегда понимаем, о чем идет речь. Это не временное «направление» в литературе, не русская «озерная школа». Это огромный духовный и эстетический пласт нашей культуры. Это визитная карточка России, которую мы с каких-то пор почему-то стыдимся предъявлять. Может, потому что сами отказались от этого духа, от этой эстетики.

А ведь когда в 1967 году в региональном журнале «Север» появилась повесть «Привычное дело», а затем вышли его шедевры «Плотницкие рассказы» и «Лад», вокруг имени Василия Белова возник своего рода культ именно в среде столичной интеллигенции. Я думаю, он немало поспособствовал тому, что столичные жители, кандидаты и доктора разных наук, писатели и художники бросились покупать в деревнях пустые дома, создавая там целые колонии городских мигрантов в русской «глубинке». И по сей день эта традиция не прервалась, хотя уже и не носит характер модного поветрия.

Но чем же подкупил души горожан «деревенщик» Василий Белов? Подкупил, мне кажется, даже в куда большей степени, чем Валентин Распутин или Виктор Астафьев. И почему именно его «Привычное дело», «как первую любовь, России сердце не забудет», выражаясь словами Тютчева о Пушкине? Почему, пытаюсь представить «душу» русской деревни, я вспоминаю не грозное «Прощание с Матерой» Распутина и не астафьевский «Последний поклон», но дурашливое начало «Привычного дела», где подвы-

На фотографии друзья Василий Шукшин и Василий Белов.

Акцент

«Деревенская проза» — это визитная карточка России, которую мы с каких-то пор почему-то стыдимся предъявлять...

пивший Иван Африканович разговаривает со своим конем:

— Парме-ен? Это где у меня Парменко-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз... Дурачок ты, Парменко... Молчит у меня Парменко. Вот, ну-ко мы домой поедем. Хошь домой-то? Пармен ты, Пармен...

Почему именно от этих слов

начинает щипать в глазах, и вся повесть эта читается уже сквозь слезу?

Вообще-то, с конями говорили воины. Вещие Олеги. Рыцари. Казаки. Те, для кого конь становился составной частью их самих. В «Дон Кихоте», где лошадь со звучным именем Росинант сама становится полноценным

героем, это было уже пародией, над которой хохотал средневековый читатель. В разговоре Африкановича с Парменом нет ни того, ни другого. Ни героизма, ни пародии. Это исповедь простой деревенской души, которая только так и может высказаться вслух. Потому что перед людьми — стыдно, не принято. А перед лошадью — это можно. Никто не услышит.

В этом разговоре с лошадью — весь потрясающий такт деревенского человека, который мы, городские, часто не чувствуем, не понимаем, хотя его чувствовали, «слышали» своим абсолютным художественным слухом великие русские писатели — Пушкин, Некрасов, Тургенев, Лев Толстой. Именно они подготовили явление «деревенской прозы» 60–70-х годов XX века, а не «колхозный очерк», как принято считать. От

«Записок охотника» Ивана Тургенева и «Хозяина и работника» Льва Толстого до «Привычного дела» Василия Белова, «Царь-рыбы» Виктора Астафьева или «Последнего срока» Валентина Распутина расстояние меньше воробьиного носа. Это одна великая национальная традиция, одна литература. И можно только поражаться тому, что ни революция, ни коллективизация, ни еще одно насилие над деревней в хрущевско-брежневские времена, когда укрупняли колхозы и совхозы, по сути, сметая старинные деревни и села с лица России, — не смогли с этой традицией ничего сделать.

Василий Белов ведь тоже начинал с комсомольских стихов, в которых звал всех «вперед» (потом это покайнно отзовется его горьким, хотя и не лучшим романом

«Все впереди»). И его герой Константин Зорин в «Плотницких рассказах», в котором есть черты самого автора, уходя из деревни, говорит: «Я всей душой возненавидел все это. Поклялся не возвращаться сюда». Но вернулся. Как вернулся в деревню Василий Белов. Как через него и других «деревенщиков» пытались вернуться в деревню и многие из нас, уже городских, но с еще не оборванными деревенскими корнями, покупая брошенные, выставшие дома, чтобы вдохнуть в них «дачное» тепло.

Когда Василий Белов в «Канунах» и «Годе великого перелома» пытается объяснить причины появления этой незатянувшейся раны, его голос становится жестким, интонации уверенными. И враг вроде бы найден. Но все неубедительно, потому что спорно, потому что история всегда будет трактоваться и так, и сяк. Когда в романе «Все впереди» он беспощадно высмеивает столичных жителей (они, они во всем виноваты!), нам не смешно и даже порой неловко. А вот когда в «Ладе» он создает какой-то почти космический миф русской избы, в это верится безоговорочно. «Бухтины вологодские...» и забавны, и смешны, потому что в них ничего не объясняется, в них «поется». И «Плотницкие рассказы» хороши.

Белов не идеализировал деревенского человека. Иван Африканович бросает жену, уходит из деревни в поисках лучшей доли, а жена его, надорванная бесконечными родами и неженской работой, умирает. И тогда на ее могиле происходит уже второй после начала повести безответный разговор-исповедь: «Ты уж, Катерина, не обижайся... Не бывал, не проедал тебя, все то это, то другое. Вот рябинки тебе принес. Ты, бывало, любила осенями рябину-то рвать... Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Вот один теперь... Худо мне без тебя, вadoху нет, Катя. Уж так худо, думал за тобой следом... Ты, Катя, где есть-то?.. Катя, голубушка...»

Вот за эти строки мы всегда будем благодарны Василию Белову — писателю светлого дара, а вернее сказать — лада. Мы много грешны против своей деревни. Разглядывая современные областные карты, не перестанешь изумляться, какое огромное количество названий сел и деревень на них все еще сохранилось. Но кто в них живет? «Иван Африканович, ты где есть-то?..»